

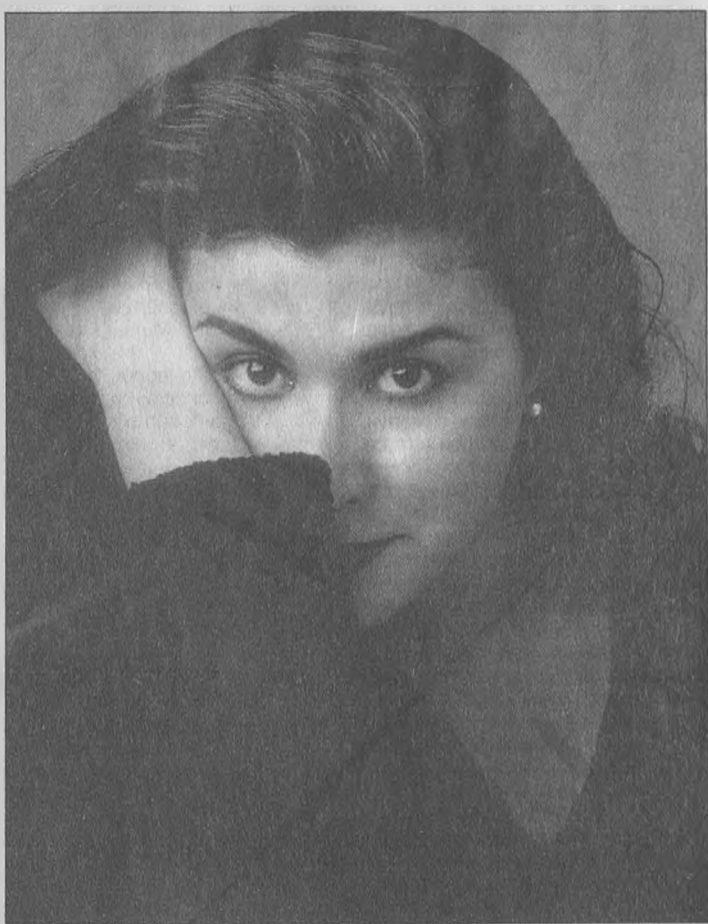
Чечилия Бартоли на сцене БЗК

Чечилия Бартоли, несмотря на свою феноменальную звездность, удивительно мила, даже проста в общении. Она любит фламенко, и так сильно, что перед ней стояла дилемма: стать звездой в этом жанре или все же отдаться опере. Она обожает готовить и просто ходить в магазин за "сезонными" овощами и фруктами. Она дотошно и кропотливо изучает с музыковедами историю барочной оперы и техники бельканто. Она не может жить без музыки Россини, а Верди любит издали. Она красива огненной итальянской красотой, сочетающей в себе отточенность черт с чуть простоватой естественностью.

Когда в России увидели фильм "Фаринелли-кастрат", профессионалы и любители – все без исключения – бурно обсуждали технику записи саунд-трека, где, как известно, для получения особого тембрового эффекта, якобы долженствовавшего восстановить приближительное звучание голоса великого кастрата, были сведены вокал контратенора и сопрано. Кто-то воспринял сие как феноменальное открытие в области электронных манипуляций со звуком, кто-то заостерялся по почти неограниченным техническим возможностям певцов эпохи истинного бельканто (напомню, что сия техника, которую мы почему-то до сих пор связываем с оперной школой XIX столетия, родилась гораздо раньше, в эпоху барокко, – романтики ее пытались восстановить). Были и равнодушные к искусственно созданному искусству... А если бы услышать это сегодня, со сцены? Нереально?

Для нас – почти да. Хотя вся Европа уже пятнадцать лет наслаждается искусством феноменально одаренной итальянки Чечилии Бартоли. Когда ей было девятнадцать, ее пригласил Караян петь в Мессе Баха. Потом был "Моцарт и Да Понте" с Даниэлем Баренбоймом, затем пела Керубино с одним из выдающихся "аутентиков" Николаусом Арнонкурмом... Работала с Аббадо, Шаи, Кристи, Мути, Рэттлом, Синополи, Шолти, заключила эксклюзивный контракт со звукозаписывающей компанией "DECCA". У нас ее знали только эстетствующие меломаны. Почему? Потому что она любит непопулярную в наших краях барочную музыку, потому что ее записи элитарны и дороги, в том числе и CD с Россини, в чьих операх она блистала и продолжает блистать. Но случилось невозможное, и красавица явила нам свое искусство, выступив в Большом зале консерватории. Ее визитом мы обязаны Владиславу Тетерину – президенту некоммерческого фонда "Мир искусства". Ему удалось уговорить звезду участвовать в акции Международного благотворительного движения "Звезды мира – детям", поддерживающей одаренных детей-инвалидов.

Несмотря на дороговизну билетов (цены доходили до десяти тысяч), в зале – за исключением партера, куда не всякий мог себе позволить сесть, – был переполнен. Восторг – полный, хотя не обошлось и без реплик: "Ее

Ч. Бартоли

же не слышно! И это звезда?"

Звездность Бартоли – дело, как известно, бизнеса. Но то, что она – феномен, безусловно. Очень камерный голос певицы действительно рожден не для больших залов и оперных театров. Быть может, в БЗК ее действительно было слышно далеко не из всякого уголка (хотя я, например, не упустила ни одной ноты, находясь во втором амфитеатре), но то, что мы услышали, запомним надолго, потому как не каждый день оживает искусство феноменальных певцов-кастратов, к тому же – естественным путем, без всякого потустороннего вмешательства.

Чечилия Бартоли привезла в Москву новоиспеченную программу – оперные арии Вивальди и Глюка. И то и другое для нас – новость. А если мы и знаем "из Глюка что-нибудь", то отнюдь не "итальянского периода" его творчества. Бартоли исполнила арии из глюковских "Антигоны", "Милосердия Тита" и "Короны", а Вивальди был представлен "Оттоном на вилле", "Баязетом", "Гризельдой" и "Фарначе". Колоратурное меццо, диапазоном почти в три октавы – инструмент качества Страдивари, на котором играет беспредельных возможностей профессионал. Она с невероятной легкостью поет длиннейшие и сложнейшие пассажи, она способна изобразить голосом каскады репетиций на одном звуке, взять тишайшее пиано, которое – как отзвук, как обертон, затерявшийся под сводами... Она в совершенстве овладела эстетикой барочного аффекта – не случайно столь естест-

венна, столь искренна и необыкновенно жива в таком, казалось бы, надуманном, вычурном, стремящемся ошеломить виртуозностью стиле, предназначенном изначально для искусственно выращенных "голосовых машин".

Удалось оценить и качество живого звучания Берлинской академии старинной музыки – оркестра, участники которого играют на старинных инструментах. В их арсенале – типичные атрибуты адептов "аутентичного" направления в исполнительстве: виолы, лютия, клавесин и т.п. В их безвибраторной манере игры, вопреки рассуждениям критиков данного исполнительского течения, обвиняющих "барочников" в пустом звуке и отсутствии страстей, столько драйва, столько искренности, динамизма, артикуляционной неизбитости, богатства фразировки, что любой скептик будет повержен. Музыканты блестяще исполнили Концерто гроссо ре минор и Концерт для струнного оркестра соль минор Вивальди, а также "итальянскую" увертюру к глюковскому балету "Семирамида". Но как они играли арии, какой это был альянс с Бартоли! Сколь гибкой и чуткой была оркестровая ткань! Овации зала – подтверждение тому, что фактически умершее для нашего времени (музейное? похожее на египетские папирусы?) искусство барочной оперы волнует так сильно, как может волновать только жизнь, которую озарило чудо.

Анна ВЕТХОВА